НАЦ БЕСТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ЭКСТРЕМИСТА

Национальный бестселлер

Игорь Шафаревич

Записки русского экстремиста

«Алисторус»

2012

Шафаревич И. Р.

Записки русского экстремиста / И. Р. Шафаревич — «Алисторус», 2012 — (Национальный бестселлер)

На разломе второго и третьего тысячелетий Россия оказалась в духовном и экономическом кризисе. Больше того, как утверждает выдающийся ученый, мыслитель, общественный деятель Игорь Ростиславович Шафаревич, «у русского народа сейчас нет своего государства, которое стояло бы на страже его государственных интересов».О том, что ждет Россию и ее несчастный народ в ближайшем будущем, размышляет автор этой книги.

© Шафаревич И. Р., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

От автора 5
Россия на разломе тысячелетий 6
Размышления об историческом развитии 6
1. История 6
2. Россия 7
3. XXI век 9
Духовные основы Российского кризиса XX века[1] 11
1. Российский кризис 11
2. Западная цивилизация 12
3. Россия и Запад 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Игорь Ростиславович Шафареич
Записки русского экстремиста

От автора

В этой книге собраны мои публикации последних лет, а также ряд выступлений на радио. Тема их все та же: попытка понять то, что происходит с нашей страной. Причем я пришел к выводу, что это возможно только в рамках пересмотра стандартных взглядов на Историю всего человечества за очень длительный период. Вот этим новым взглядом на Историю я и хотел бы заинтересовать читателя. Для этого я излагаю и совсем сжато, в рамках газетной статьи, и подробнее, в цикле лекций, которые мне любезно было предложено прочесть в Сретенском монастыре. Выступления на радио, обычно связанные с конкретными вопросами современности, имеют целью связать эти общие взгляды с реалиями нашей жизни.

У нас сложилась (рискнул бы даже сказать – возобладала) такая точка зрения, что любые отрицательные и презрительные высказывания в адрес русского народа, типа «русский фашизм хуже немецкого», как бы голословны они ни были, воспринимаются как соответствующие духу либерализма и терпимости. Причем это далеко не только продукт постперестроечной эпохи. Еще до Первой мировой войны В. Розанов писал «… о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры…». И не только эти «знаменитые писатели» (не числящиеся среди создателей великой русской литературы) здесь действовали. Ведь еще А. Пушкин написал:

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Как часто у него, указывая на Историю и прошедшую, и будущую, – от аристократа, который, узнав о подавлении польского восстания,… *горько возрыдал. Как жид о Иерусалиме,* до современных «богов голубого экрана».

Наоборот, самая робкая попытка воспринять русскую историю и культуру как имеющих смысл и ценность, то, что, например, в США считается просто обязательным в отношении афроамериканцев (негров) или латиноамериканцев, если она относится к русским, клеймится как «ксенофобия» и «экстремизм». Таково объяснение несколько ироничного названия книги.

Россия на разломе тысячелетий

Размышления об историческом развитии

Я изложу схему исторического развития, как она для меня выкристаллизовалась в результате многолетних размышлений и в том аспекте, который более всего затронул судьбу России. Это действительно не более чем общая схема. В поддержку ее можно было бы привести много фактов, но это потребовало бы гораздо больше места. Часть этих фактов можно найти в других моих работах – например, в недавно изданных книгах «Две дороги – к одному обрыву» (изд. «Айрис Пресс», Москва, 2003 г.) и «Русский народ в битве цивилизации» (изд. «Алгоритм», Москва, 2003 г.).

1. История

Много тысячелетий человечество живет при одном и том же строе. Подавляющая часть населения – крестьяне. Города в этой жизни играют очень важную роль. Но лишь как вкрапленные в земледельческое население центры по формированию культуры. Город и деревня были равно необходимы друг другу. Похоже, что и возникли они почти (в исторических масштабах) одновременно (в «Плодородном полумесяце», Fertile Crescent). Если я правильно понял стандартные книги по археологии, то появление такого образа жизни начинается с так называемой эпохи расписной керамики, поселения которой были распространены от Китая до Центральной Европы (у нас – Триполье). Сначала была (начиная с V тысячелетия до Р. Х. или еще раньше) эпоха мотыжного земледелия. Для нее типичны женские статуэтки типа «мегалопигии». Позже земледелие стало плужным. Этот тип жизни продуктивно сотрудничал с индустриальным развитием городов. В XX веке Кондратьев назвал его «двусторонним аграрно-индустриальным типом народного хозяйства». Ранние стадии хорошо описаны в книгах Редфилда. Например, Robert Radfield. The Primitive World and Its Transformations. N. J. 1953. Там: «Город дает деревне как бы другое измерение и не противоречит ее идеологии». Таким, например, было общество Афин периода расцвета. В комедии (например, Аристофана) ясно видно, что «городская жизнь» Афин эпохи Перикла в значительной степени была жизнью крестьян соседних деревень, сошедшихся в городе. Они составляли народное собрание и суд, вмешивавшийся во все обстоятельства жизни. Они были зрителями трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, которых, в свою очередь, можно считать античными «деревенщиками». Для них возводился Акрополь, и на улицах стояли статуи Праксителя. Таков же был тип жизни России вплоть до начала XX века. При всей утонченности возникшей в городах культуры в ней господствовали этические, эстетические и религиозные принципы, выработанные деревней.

Но постепенно в Западной Европе стал утверждаться другой тип жизни, основанный на господстве городов. Первые его черты стали проявляться в Италии позднего Средневековья. До того статус человека определялся его положением в деревне, его земельными владениями, а теперь стал зависеть от его положения в городе. Постепенно возникло общество чисто городское, индустриальное. Оно завоевало свое место в борьбе с деревней. Решающий шаг был сделан в Англии, где крестьян сгоняли с их общинных земель, клеймили раскаленным железом, как бродяг (выжигали букву V – vagabond, бродяга), поймав вторично – вешали и таким образом создавали городской пролетариат.

Этот тип жизни был связан с бурным развитием науки и основанной на ней техники, с созданием капитализма спекулятивного типа (банки, акционерные общества, биржи). Он оказался чрезвычайно агрессивным. Насилием и войнами он разрушал общества другого типа, подчиняя их себе.

Маркс приводит документально подтвержденный факт, как английский парламент создал комиссию из ведущих тогдашних экономистов для выработки путей разорения индусских ремесленников-ткачей, с которыми не могла конкурировать английская промышленность. Средства нашлись столь эффективные, что спустя несколько лет генерал-губернатор Индии сообщал: «Дороги Индии усеяны костьми разоренных ремесленников». Тем не менее в «Коммунистическом манифесте» читаем: «Дешевые цены ее (буржуазии) товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам». Оказывается, Маркс хорошо знал и о других средствах.

Вовсе не буржуазия и пролетариат были главными антагонистами в драме истории. В том же «Коммунистическом манифесте»: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вырвала значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни». К началу XX века самой влиятельной страной, не поддававшейся этому процессу, была Россия. Тогда 80 процентов ее населения были земледельцами.

2. Россия

Путь Запада был следующим: разрушение деревни и на базе этого построение индустриального общества (отчасти на полученные в деревне средства, отчасти – превращением крестьян в пролетариев). Россия противилась этому течению. Причем не только крестьянскими восстаниями. Политика власти тоже была направлена на предотвращение пролетаризации деревни. Для этого была сохранена община при освобождении крестьян, потом разработаны планы реформ Бунге и Витте, реформы Столыпина – все они проектировались с этой целью.

Перелом произошел в 1917 году. Эта революция имела два этапа – февральский и октябрьский. Два этапа единого процесса, без каждого из которых весь процесс был бы невозможен. Поэтому, если их разорвать, понимание теряется. Ведь мы не разбиваем французскую революцию на две, противопоставляя созыв Генеральных Штатов, взятие Бастилии, «поход женщин на Версаль» и водворение короля в Париже – террору 1793–1794 годов. Для нас это, очевидно, один процесс, хотя, например, в первой фазе Лафайет был героем и одним из вождей, а во второй – эмигрантом, борцом против революционной власти (вроде нашего Милюкова или Керенского). В обоих случаях сначала пришло к власти либеральное течение, неспособное к удержанию власти, но очень способное к ее разрушению. На его почве власть захватило самое радикальное, крайнее течение. Но в результате этого двухфазового процесса осуществился единый итоговый результат. Для России он состоял в утверждении власти, готовой любыми средствами бороться за создание единого централизованного хозяйства. Ему, в частности, должно было быть подчинено и индивидуально-трудовое хозяйство крестьян (подавляющей части населения страны). Подчинено – или уничтожено. В 1918 году Ленин писал: «Мы скорее все ляжем костьми, чем разрешим свободную продажу хлеба». И хотя позже от этого отступились, но тогда верхушка власти чувствовала так. Но эта атака на деревню встретила нутряное неприятие и колоссальное сопротивление. Тут сказался особый характер индивидуального крестьянского хозяйства. В нем крестьянин сам создает план своего труда, то есть оно является творческим. В нем, как писал Чаянов, неприменимы понятия стандартной политэкономии: ренты, эксплуатации, заработной платы. Он говорит, что в основе индивидуально-трудового крестьянского хозяйства лежат «иные мотивы хозяйственной деятельности и даже понимание выгодности», чем в капиталистическом хозяйстве. Для крестья-

нина «выгодой» является сама возможность заниматься своим хозяйством. Поэтому, как заметил Чаянов, крестьянское хозяйство гораздо устойчивее в периоды кризиса, чем хозяйство, ориентированное на доход. Крестьянин готов идти на гораздо большие расходы, напряжение сил. Эти же свойства проявились при сопротивлении попыткам центральной власти подчинить себе деревню. В 1918–1920 годах тысячи крестьянских восстаний покрыли всю Россию. Каждое из них было обречено на поражение: Центр мог бросить против него в десятки раз больше сил. Но в целом они слились в одну крестьянскую войну и заставили власть принять их требования – нэп.

Поворот в обратную сторону произошел при «сплошной коллективизации» (конец 1927-го – 1931 год). Этот период совпадает с установлением полновластия Сталина. Но повороту политики предшествовали столкновения с оппозициями на XIII, XIV, XV съездах. Много раз высказывалась точка зрения, что Сталин на самом деле реализовал программы этих оппозиций. В этом его не раз упрекал в эмиграции Троцкий. Но и у Сталина есть мысль, что «если бы мы пошли за авантюристами типа Троцкого и Зиновьева, мы бы тогда провалились», то есть что он только нашел нужное время (как Ленин в 1917 году: «сегодня рано – послезавтра поздно»).

Но мне кажется, что ситуация глубже. Вокруг этих оппозиций собирались самые активные, энергичные, нетерпеливые члены партии. Нэп переживался как трагедия. Сводки ЧК за 1922 год (для высшего руководства) сообщают о массовом выходе из партии «целыми комячейками» «вследствие несогласия с новой экономической политикой» (Поволжье, Северный край, Сибирь, Юго-Восточный край). Резко возросло число самоубийств среди членов партии. Это было настроение: «За что боролись?» Действительно, идеи «военного коммунизма» совпадали с основными принципами партийной идеологии.

Например, «трудармии» Троцкого были предсказаны в «Коммунистическом манифесте». Отказ от этих идей был очень болезнен для самых идейных коммунистов. Активная часть партии требовала реванша за поражение в крестьянской войне. Это и была основа всех оппозиций, хотя лидеры их и сменялись. Под конец более чуткая часть руководства поняла, что у партии, собственно, и нет другой программы, и приняла ее. Не почувствовали, сопротивлялись Бухарин и др. Но и то до тех лишь пор, пока не стало ясно, что план не провалился. Это и есть смысл слов в предсмертном письме Бухарина: «Вот уже седьмой год, как у меня нет и тени разногласий с партией». Да и Сталин при первом столкновении обвинял их лишь в «паникерстве», сравнивая с чеховским «человеком в футляре».

Это далеко не редкий случай, когда маргинальные течения, потом выталкиваемые на обочину, помогают большой социальной структуре выработать ее стратегию. Например, в конце XII века житель Лиона, Петр Вальдус, обратился в Рим с просьбой разрешить ему создать нищенствующий орден. Его отослали к некоему кардиналу, который проэкзаменовал его по богословским вопросам и выяснил, что он в них безграмотен. В его просьбе ему отказали, сложившаяся вокруг него группа ушла в подполье, стала быстро радикализироваться и распространилась по всей Европе (ересь Вальденсов). Но зато, когда несколько позже с аналогичной просьбой обратился Франциск Ассизский, ему не отказали, и орден францисканцев играл громадную стабилизирующую роль в средневековом обществе.

Но все это лишь техника, а суть в том, что осуществилась единая концепция, заложенная в марксизме, на которой и создавалась партия, которую временно смягчили в 1921 году, так как, по словам Ленина, ее осуществление «означало бы крах советской власти и диктатуры пролетариата». При коллективизации эта концепция все же восторжествовала. А концепция по существу была та же, что и в Западной Европе и Северной Америке, только реализация ее была сжата в несравненно более короткие сроки, поэтому она выглядела гораздо более радикальной. Но это было принятием Россией западного типа развития, сначала с другими декорациями, а позже (1989–1993 годы) и в том же виде.

3. XXI век

Сейчас то, что мы видим, – это яркая картина того, как западная цивилизация завоевывает мир. Конечно, самая большая «победа» – это распад Советского Союза. Но также Югославия, Ирак, Афганистан… И процесс явно еще в разгаре. В его оценке возможны две точки зрения.

Первая. В едином процессе развития человечества западная цивилизация представляет собой передовую, на настоящий момент, высшую фазу. Весь мир должен ей следовать и перейти к такой же городской и технологической форме жизни. Человечество переживает ключевой, исторический момент – конец смешанного, сельско-городского образа жизни, или, по Кондратьеву, «двухсторонней, аграрно-индустриальной экономики», длившегося более 10 тысяч лет. Родится новое общество и новый человек. Все человечество переживает муки рождения нового общества. Это часто мучительно, но неизбежно, а сверх того окупится в будущем невиданным развитием производительных сил человечества.

Но возможен и другой взгляд. Очень мала вероятность того, что именно на несколько живущих сейчас поколений пришелся конец грандиозного, более чем десятитысячелетнего периода истории. Это ведь обычная точка зрения революционеров – что они создают «новый мир», «нового человека» (французская революция, большевизм, национал-социализм и т. д.). Такое умонастроение вызывает временный мощный всплеск энтузиазма у его сторонников, однако через некоторое время выясняется обычно, что переворот хоть и решал некоторую задачу, но гораздо более скромную – и часто совершенно отличную от прокламируемых принципов. С другой стороны, мы часто преувеличиваем драматичность (в общемировом плане) переживаемого нами момента. Ощущение «конца мира» может отражать правильно замеченное окончание заметного периода истории. Например, Леопольд Ранке описывает, как в преддверии Реформации в Германии распространилось чувство приближающегося конца света (в одном городке паника возникла из-за того, что трубу пастуха приняли за трубу архангела, возвещающего Второе Пришествие). Но это отражало объективное приближение конца традиционного средневекового общества.

Наконец, все то, что мы сейчас переживаем, в истории уже не раз встречалось: и мегаполисы, и мечты о «мировой империи». Миллион жителей некогда насчитывали и Вавилон, и Рим. «Мировую империю» мечтали создать и месопотамские цари (начиная с Саргона), и Александр Македонский, и римские цезари, и Наполеон, и Гитлер. Многие отмечали, что это стандартные признаки упадка определенной цивилизации. Тогда логично предположить, что мы и переживаем (а точнее, потомки будут переживать в XXI веке) закат западноевропейской цивилизации. Дело не в какой-то особой ее порочности, а скорее в том, что все когда-то возникшее когда-то и гибнет. Эта цивилизация сделала очень много, но ее деятельность затухает. В одной работе я привел ряд признаков, указывающих на несомненный упадок западной цивилизации. Здесь я напомню только два.

А. Упадок духовного творчества. Ведь эта цивилизация когда-то родила Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, Сервантеса, Шекспира, Баха, Моцарта, Шуберта, Мольера, Диккенса. Ничего подобного сейчас нет. Теперь эти имена носят исторический характер, подобно Гомеру или Праксителю. Но западная цивилизация создала еще грандиозную систему естественных наук: может быть, даже более уникальное культурное явление, чем ее художественные достижения. Однако во второй половине XX века и в этой области не появлялось принципиально новых идей. Продолжается активное развитие техники. Но столь проницательный исследователь развития цивилизаций, как О. Шпенглер, отметил именно такой признак их заката: все творчество сосредоточивается в области техники.

Западная цивилизация всегда была очень агрессивной, она не терпела рядом с собой других обществ, основываясь на твердой уверенности, что она только цивилизацией и является. Но тогда, хотя бы для некоторой части покоряемого общества, она открывала какие-то новые горизонты культуры. Теперь же ее агрессия все более становится проявлением грубой силы. Рафаэль, Сервантес, Галилей или Планк столь же мало ей «принадлежат», как Эсхил, Евклид или Архимед. А на одних атомных бомбах и крылатых ракетах мировую империю не построить.

Б. Техническое развитие. Но пока еще сохраняется быстрый темп технического развития: компьютеров, спутников, военной техники. Но та техника, которая дала западной цивилизации беспрецедентную власть над миром, имеет одну особенность. Она основывается на новейшей (самой новейшей) науке. Последний переворот так и называется – научно-техническая революция (НТР). Это особая, «научная» техника. Например, атомная бомба основана на достижениях ядерной физики и квантовой механики. И созданием ее руководили физики, незадолго до того эти разделы создавшие. Особенно ярко в Германии – Гейзенберг. Поэтому можно думать, что остановка (принципиальная) научного развития приведет и к остановке развития технического. Позже техника будет основываться уже на «школьных» (точнее – университетских) знаниях. Да похожее мы и видим сейчас. Атомное оружие создали Индия, Пакистан, Израиль, Корея. И США с этим вынуждены мириться.

Наконец, можно спросить: кто же способен сейчас победить, остановить Запад? У кого есть сравнимые силы? Но не нам это спрашивать, пережившим крушение Советского Союза. Также и Запад падет не от сильнейшего противника, а от собственных сил разложения. Они и видны в экономике, культуре, морали, национальных отношениях. Это и есть мой прогноз на XXI век.

Духовные основы Российского кризиса XX века[1]

1. Российский кризис

Нет никакой необходимости аргументировать, что XX век был веком кризиса для России. Для русского народа это был век поражения, по глубине своей сопоставимого только с тем, которое он пережил в XIII веке, при монгольском завоевании. Даже Смутное время кажется сравнительно быстро преодоленным коротким кризисом.

Это было даже не одной катастрофой, а целой серией катастроф: сначала в гражданскую войну и террор был уничтожен образованный класс (как движущая, активная сложившаяся сила общества) – в большой части и как конкретные люди. Культура начала создаваться в значительной мере заново. А потом, к концу века, она опять была разрушена по экономическим причинам. Было уничтожено свободное русское крестьянство – основа, на которой стояла Россия. Война, по яростности и кровопролитности не имевшая прецедента в русской истории, была выиграна с колоссальными потерями. А потом все достижения победы были утеряны. Россия распалась на части, и русский народ переживает демографический кризис, который ставит под угрозу его существование. Естественно, возникает вопрос: можно ли понять эту серию катастроф, растянувшуюся на целый век, с какой-то единой точки зрения?

Вот такую точку зрения я и постараюсь изложить. Это мое собственное понимание. Я хочу подчеркнуть, что оно в высшей степени мое собственное и нисколько не претендующее на общепризнанность.

Но прежде всего я хочу оговориться, что эта череда катастроф не есть характерная черта именно русской истории, ведь этот факт часто используется для создания образа какого-то неполноценного, нелепого, неправильного народа. Все у них не как у людей: то татары их завоевывают, то Иван Грозный бояр на кол сажает, то Смутное время, то революция… Но ведь, например, в том же XX веке немецкий народ пережил не меньшую катастрофу: после четырех лет напряжения всех сил в Первой мировой войне и громадных человеческих потерь – поражение, потом унижение Версальского мира, когда немцы обязаны были объявлять о себе как о виновниках войны и виновниках всех потерь, которые человечество тогда понесло. А потом голод и разруха, смута и восстания. В Баварии была то Советская Баварская республика, то Гитлер пытался захватить власть. Потом – Саксонская Советская республика, колоссальная безработица, череда безответственных министерств и, наконец, совершенно безумная мечта, которая увлекла весь народ, – покорить весь мир. Германия подчинилась идее избранного народа, не Богом, а своими мирскими качествами поставленного над другими людьми. Этой идее служили с отдачей всех сил, причем с фантастическими успехами в начале и со страшным поражением в конце. Хотя народу все же была сохранена жизнь и безбедное существование, но это за счет того, что он уже добровольно выкорчевал у себя из души представление о какой-то своей исторической роли и отказался от ее поиска.

Примерно такую же череду катастроф перенесла Франция начиная с конца XVIII века, с Великой французской революции, и кончая серединой XX века – речь идет о поражении в 1940 году без единой битвы. И в результате всей этой серии катастроф – трагические демографические последствия: перед французской революцией французы были самой многочисленной нацией Западной Европы, население Франции было в три раза больше населения Великобритании, а сейчас оно немного меньше. Причем англичане за это время заселили два материка,

[1] На основе лекций, прочитанных в Сретенском духовном училище.

число англоязычных людей в мире – около 400 миллионов. Так что это ситуация, которая возникает в истории не раз.

Но возвращаюсь к русской истории и к вопросу: чем же можно объяснить или как-то связать воедино эти катастрофы XX века? Я начну с того, что просто сформулирую свою точку зрения, которую буду постепенно разворачивать в дальнейшем. Как мне кажется, не только в XX веке, но и все три последних века главной опасностью, главным источником потенциальной и реально произошедшей катастрофы для России, «жалом во плоти» для нее было давление со стороны Запада – очень многостороннее, и физическое, и идейное. Много комментариев требуется к этому тезису, и все дальнейшее будет этими комментариями.

Конечно, Россия и Русь в течение всей своей истории имела соседей на Западе, и часто отношения с ними принимали форму конфликта. Всем это известно, например, еще со времен Александра Невского. И позже, во время Куликовской битвы, литовское войско намеревалось ударить в тыл русским, и только то, что Дмитрий Донской начал сражение раньше, вырвало инициативу из их рук. Тем не менее они преследовали отступавшие русские войска и добивали раненых, которых увозили на телегах. Потом Литва была подчинена Польше, и Польша стала главным противником России на западе. Вершина ее успехов была в начале XVII века, когда польский король сидел в Кремле. Но после преодоления Смуты баланс сил начал складываться в пользу России. И все же все эти столкновения имели для России не судьбоносный, а скорее военный характер. Война могла быть сегодня проиграна, а завтра или через сто, или двести лет можно было отыграться. Такие же и более драматические конфликты у России были и с соседями с востока. Это были войны за определенные территории, за подчинение одних властителей другим, но не за душу народа.

2. Западная цивилизация

Но абсолютно другой характер приобрели отношения России с Западом, когда на Западе возник совершенно новый тип общества, совершенно новый тип цивилизации. Его иногда называют капитализмом, но это чрезвычайно расплывчато и неопределенно. Целый ряд классиков исторической науки, таких, как Эдуард Майер, Макс Вебер или Ростовцев, утверждают, что все компоненты, из которых обычно складывается капитализм: капитал, рынок, наемные рабочие и массовое производство на экспорт, – все это существовало и в Вавилоне, и в Риме, и в других обществах. Самый наблюдательный исследователь этого особого общества, сложившегося на Западе, – Зомбарт предлагает термин «высокоразвитый капитализм», и это тоже неточно отражает мысль даже самого Зомбарта, потому что возникает впечатление, что это есть некая высшая точка естественной линии развития капитализма. На самом деле все эти компоненты, которые необходимы для капиталистического направления развития, могут складываться совершенно по-разному в разных типах общества. И то, что сложилось в Западной Европе, – это был исключительный, самый радикальный тип этой реализации. Это было нечто гораздо большее, чем чисто экономическая формация, – это был в значительной мере и духовный уклад. Существует несколько основных компонентов, из которых он складывается.

Прежде всего он основывается на протестантизме кальвинистского толка. Кальвин, как известно, учил, что Господь до сотворения мира предопределил судьбы людей: одних – к спасению, а других – к погибели. И никакие людские дела не могут повлиять на Божественное решение. Но успех в мирской деятельности для человека является знаком, убеждающим и подтверждающим его веру в то, что он относится к числу избранных, как они называли себя, «святых». Эта идеология обращается только к ним. Для остальных она ничего не значит. Вот отрывок из так называемого Вестминстерского исповедания, принятого пуританами – английскими кальвинистами – в разгар Английской революции в 1647 году:

«Бог решением Своим и для прославления величия Своего предопределил одних людей к вечной жизни, других присудил к вечной смерти. Тех людей, которые предопределены к вечной жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства из чистой, свободной милости и любви, а не потому, что это имеет предпосылку в их вере, добрых делах или любви. И угодно было Богу, по неисповедимому решению и воле Его, для возвышения власти Своей над творениями Своими лишить остальных людей милости Своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их, во славу Своей высокой справедливости».

Как учили кальвинистские теологи, Христос был распят только ради «святых», другие люди не имеют никакой части в этом событии. Мне кажется, что кальвинизм уже нельзя рассматривать как ветвь христианства. Как, например, католицизм когда-то отделился от православия, а потом стал все больше и больше от него отдаляться. От католицизма потом еще более радикально отделился протестантизм лютеранского толка, но они все же не порывали с христианством. Мне кажется, что кальвинизм – это какое-то в принципе другое исповедание. И многие исследователи пишут, что у богословов-кальвинистов христология очень слабо развита, что они апеллируют в основном к авторитету Ветхого Завета. Да и в области морали приобретенное богатство означало признак избранности, принадлежности к «святым», прямо в противоречии с евангельскими заповедями (Мф. 19, 24; Мк. 10, 25; Лк. 18, 25); также бедность считалась признаком отверженности, грехом.

Здесь имеется фантастическое соединение двух противоположных тенденций. Во-первых, полной предопределенности: до сотворения мира судьба человека предопределена, одни предопределены к спасению, другие к гибели; люди никак не могут на свою судьбу повлиять – было бы кощунством считать, что человек может изменить Божественное решение. А с другой стороны, именно эта идеология вызвала колоссальный всплеск энергии: люди, ею вдохновленные, совершили Английскую революцию, промышленную революцию в Англии, создали промышленное и индустриальное общество, создали Соединенные Штаты. Как это примирить? Тут есть какая-то загадка, и кальвинисты сами это понимали.

Один из их ранних проповедников – Джон Коттон из Массачусетса, самой первой колонии, которую они основали в Северной Америке, – писал, что «прилежание в мирских делах и чувство того, что ты мертв для мира, – соединение этого есть некая тайна, не доступная никому, кроме тех, кто ее пережил». Чувство какой-то тайны было у них самих. Действительно, это загадочное явление. Причем это не единственная подобная ситуация в истории, то же самое присутствует и в исламе. Не раз в Коране говорится, что Аллах предопределил судьбу человека. Казалось бы, это тоже должно лишать человека всякого стимула к активности в жизни, но это породило невероятный всплеск энергии: племена, кочевавшие где-то на окраине тогдашнего цивилизованного мира, разбили две сверхдержавы того времени – Византию и Персидское царство, дошли до Испании и покорили ее и только во Франции были остановлены. И третий раз в истории аналогичную ситуацию можно видеть, мне кажется, в марксизме. Здесь тоже ведь вся история определяется «железными законами». История предопределяется как естественно-научный процесс, как полет ядра, выпущенного из пушки, который можно рассчитать, – и в то же время происходит апелляция к чрезвычайному напряжению воли, что действительно вызывает отклик и колоссальный всплеск энергии. Отец Сергий Булгаков на эту тему даже пошутил: он сказал, что «социалисты предсказывают мировую революцию, как астрономы солнечное затмение. И для того, чтобы организовать это солнечное затмение, создают партию». Но для нас, для истории России, главную роль играл, конечно, не кальвинизм и не ислам, а марксизм, который колоссально повлиял на русскую историю XX века. И я дальше коснусь этого загадочного соединения предопределенности и волевого усилия именно в связи с марксизмом.

Я начал с того, что сам прервал себя этой цитатой, говоря, из каких компонентов складывается идеология возникшего на Западе индустриального промышленного общества. Один

компонент – это протестантизм кальвинистского типа. Второй – это построение жизни на основе чистого рационализма, то, что потом стало называться «научным мировоззрением». И третье – это агрессивное, волевое отношение ко всему миру как к объекту для завоевания, как материалу для своего свободного творчества. Причем отношение не только к странам или народам, но и ко всей природе. «Победить природу» было тезисом, высказанным, когда это общество только начало складываться, Фрэнсисом Бэконом. То есть возникло отношение к природе как к врагу, которого надо в войне победить и подчинить, причем подчинить себе ради материального использования. Лозунг «Знание – сила» в моей молодости висел во всех школах и в трамваях. Он тоже принадлежит Бэкону и тоже сформулирован в XVII веке. Все это вместе создавало, конечно, психологию крайне агрессивной нетерпимости, когда всякая другая, иначе построенная цивилизация, другая точка зрения воспринималась как кощунство, как нарушение Божественной воли. И до сих пор в Соединенных Штатах часто в высоком стиле говорят о своей стране: страна Самого Бога, собственная страна Бога. То есть то, что препятствует осуществлению их тенденций, препятствует воле Самого Бога. И в результате это приводило к интеллектуальному, духовному оправданию геноцида и часто выражалось как физический геноцид – уничтожение целых народов. Но в то же время это была и чрезвычайно продуктивная цивилизация. Она привела к колоссальному накоплению научных знаний, которые немедленно реализовались в технических приложениях. Так приобреталась колоссальная, неслыханная власть над миром. К XX веку возникло то, что сейчас называется «технологической цивилизацией», принцип которой состоит в постепенном вытеснении природных элементов техникой. Как сказал один немецкий социолог, цель западного прогресса – уничтожить природу и заменить ее искусственной природой-техникой. Частным случаем взаимоотношения между природным и искусственным был конфликт между городом и деревней. Эта цивилизация была основана на уничтожении крестьянской жизни, в каком-то смысле она была духовно с ней несовместима. В Англии развитие этого общества началось с того, что крестьян массами сгоняли с их общинных земель. Они превращались в бродяг, заполняя собой всю Англию. Чтобы сдержать толпы этих людей, правительство издавало жесточайшие законы против бродяг: их клеймили, вешали. Еще в начале этого процесса, в первой половине XVI века, по-видимому, десятки тысяч человек таких крестьян, обращенных в бродяг, были казнены.

Это очень странная цивилизация, как многие исследователи замечают, парадоксальная, если к ней приглядеться. Она связана с преодолением жизни и вообще реального мира, с заменой его чем-то искусственным и техническим, какими-то абстракциями, которые отгораживают человека от мира. Самой из них известной и действенной в этом направлении являлись деньги, которые сами по себе, конечно, никакой реальностью не являются, ничего в себе не содержат. И в то же время они становятся сущностью жизни.

Первым, кто сформулировал такого рода принцип, был один из творцов идеологии возникающего западного общества Бенджамин Франклин, который высказал знаменитый тезис «время – деньги». Но деньги стали заменять не только время, но и многое другое: сейчас типичный западный комплимент красивой женщине – «ты выглядишь на миллион долларов». Деньги как бы заменяют жизнь, и видно, какое это поразительное явление, если сравнить его с идеологией XVIII века – идеологией капиталистического, торгового общества, но еще гораздо более традиционного. В детстве все читали книгу «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», написанную Дефо; но немногим известно, что этот Дефо был также популярным в свое время писателем, который писал нечто вроде руководств для преуспевающих деловых людей. И в одном из них он дает такой жизненный совет. Вначале он спрашивает: сколько, до какого момента нужно накапливать капитал в своем предприятии? А затем говорит совершенно точно: до 20 тысяч фунтов, потому что, получив 20 тысяч фунтов, человек может приобрести поместье и начать жить помещиком. И этим он своих разумных целей достигнет, а продолжая дальше заниматься хозяйственной деятельностью, может потерять и то, что он уже приобрел.

Были ли это высокие, одухотворенные идеалы или нет, но ставились какие-то нормальные человеческие цели, на которые была направлена хозяйственная деятельность. И вот на смену пришел совершенно другой строй, который заставлял людей работать не ради каких-то человеческих принципов. Зомбарт, который является наиболее тонким исследователем этого специфического характера западного общества, пишет: «Каков идеал, каковы центральные жизненные ценности, на которые современный экономический человек ориентируется? Живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов, и место его заняли две абстракции: нажива и дело».

Зомбарт высказывает чрезвычайно интересный тезис, подкрепляя его рядом конкретных аргументов:

«Капитализм (западный капитализм) возник из ростовщичества». Ростовщичество является действительно парадоксальной формой деятельности: это чистая идея денег, не связанная с какими-нибудь реальными жизненными целями. Тут ничего не производится, в эту идею ничего не вкладывается, кроме денег. И Зомбарт подкрепляет многими наблюдениями тот тезис, что принцип ростовщичества послужил источником для создания духа современного западного общества. Это подкрепляется и таким наблюдением: отчаянная ярость католической церкви была направлена именно против ростовщичества. Конечно, и православная церковь не одобряла его, но никогда такой систематической, целенаправленной войны против него не вела. По-видимому, это не воспринималось как непосредственная опасность существовавшему жизненному укладу. А на Западе ростовщичество действительно воспринималось Церковью, говоря марксистским языком, как «могильщик» существовавшего тогда традиционного общества. Не только мирянин не допускался к причащению, если он замечался в ростовщичестве, но и священник лишался сана. Существовал особый суд, рассматривавший дела о ростовщичестве, контролировались все возможные формы дачи в долг. Конечно, давать в долг не запрещалось, но это не должно было приводить к скрытой форме ростовщичества. Например, существовало правило, что в долг можно давать деньги или какой-нибудь продукт ровно на год, чтобы он возвращался в тот же самый день следующего года, чтобы, например, не оказалось, что он возвращается в другое время, когда этот продукт или эти деньги больше нужны: это была бы скрытая форма ростовщичества. Конечно, все это нарушалось, даже и самой католической церковью. Но существовало чувство страха, предчувствие того, что здесь выступает какой-то враг.

Из ростовщичества возник вексель – это уже был отрыв долга от личных отношений. Раньше был долг одного человека по отношению к другому, а это уже был долг абстрагированный, превратившийся в чистую бумагу, которая могла продаваться и уже ни с какими личными отношениями никак не была связана. Отсюда возникли различные ценные бумаги и акции. И, наконец, возникла биржа, которая превратилась в центр, в сердце капиталистического общества. Возникает какое-то загадочное впечатление, будто в каком-то большом здании происходит продажа и покупка бумаг, растут или падают цены на них, и это и есть основная жизнь. А ее бледным отражением является то, что в результате открываются новые предприятия, или, наоборот, то, что миллионы рабочих выбрасываются на улицу как безработные. Плывут пароходы, идут поезда – это все результат того, что произошло на бирже.

Самый глубокий кризис, который пережил западный капиталистический мир, – это знаменитая «Великая депрессия» – кризис, разразившийся в Соединенных Штатах и во всем западном мире. Начался он с так называемого черного четверга: это было 29 октября 1929 года, когда обвально понизились цены на большинство бумаг на Нью-Йоркской бирже. А уже в результате этого через некоторое время миллионы людей были выброшены на улицу как безработные. Сотни тысяч предприятий обанкротились, и десятки тысяч человек просто покончили самоубийством. Реально и теперь уже жизнь в капиталистических странах – в странах, следующих принципам западного капитализма, – подчиняется не жизненным интересам, даже

и самым примитивным, не интересам человеческим, которые можно по-человечески понять, а действующими лицами являются совершенно новые индивидуальности – корпорации, компании, тресты и т. д. Это как бы новые личности, которые уже не имеют никаких собственных интересов; единственный фактор, который увеличивает их устойчивость и в каком-то смысле определяет их цели, – это увеличение своего капитала.

3. Россия и Запад

Вопрос, с которым столкнулась Россия при возникновении такого совершенно нового уклада, стоял перед всем миром: как относиться к этой новой цивилизации, в аксиомах, основных принципах которой была заложена тенденция власти над всем миром? Покориться ей или нет? Причем речь шла вовсе не о властвовании старомодном, когда речь сводилась к обложению данью, но о навязывании всего своего духа или о превращении в питательный материал. На этот вопрос Россия должна была дать ответ. И она вырабатывала, нащупывала этот ответ в течение всех трех последних веков.

Тут я могу сослаться на концепцию английского историка Арнольда Тойнби, развитую в громадном произведении под названием «Постижение истории» – 12 томов, которое он писал несколько десятилетий подряд, постепенно издавая. Он ставит вопрос: что является движущей силой истории? Экономический принцип, как утверждает марксизм, или интеллектуальное развитие каких-то концепций, как говорят просветители, или религиозные откровения? У Тойнби своя точка зрения. Он считает, что история движется тем, что каждое общество сталкивается с каким-то вызовом и должно дать ответ на этот вызов. Это его концепция «вызова и ответа», которые и есть движущая сила истории. Например, для спартанцев вызовом была жизнь среди населения, ими покоренного, гораздо более многочисленного, чем их народ. А ответ формулировался в создании чисто мужского военного общества, в котором были ослаблены семейные связи, где жизнь проходила в чисто мужских союзах с совместной едой, причем дети воспитывались в военизированных бандах молодежи. Был культ мужества, силы и самопожертвования ради общества. А для эскимосов вызов заключался в жизни в арктических условиях, ответ же заключался в особом образе жизни, связанном со строительством жилищ из льда, изготовлением одежды из шкур, охотой на крупных животных, живущих в арктических водах, и т. д. С такой точки зрения можно сказать, что последние триста лет Россия жила, вырабатывая ответ на вызов западной цивилизации.

Какой же она выработала ответ? Конечно, в каком-то смысле вызов относился ко всем другим народам, не входившим непосредственно в эту западную цивилизацию или вошедшим туда не сразу. И ответы вырабатывались разные, и важно сравнить их, чтобы понять то, как Россия на это реагировала. Важно сравнить российский ответ с другими вариантами. Центром, в котором сложилась западная цивилизация, была Англия. Франция, по-видимому, пыталась в конце XVIII века наметить свой путь развития, основывающийся на таких же элементах капитализма, но в другом направлении. Но она была разбита Англией в нескольких войнах, потеряла свои американские и индийские колонии и в результате пережила серию катастроф, начиная с революции XVIII века. В результате она в конце концов приняла этот тип жизни, но уже не в качестве одного из лидеров, а как второсортная держава. Примерно такая же судьба была и у Германии: роль попытки противостояния чуждому давлению там играл национал-социализм. И вообще, фашизм в Италии, Испании, Португалии, Австрии был формой несогласия, протеста этих стран против наступающей на них западной, по существу англосаксонской, цивилизации; но окончилось это для всех западноевропейских стран их полным включением в круг этой цивилизации и принятием ее основных принципов.

Противоположный пример можно наблюдать в Северной Америке. Ее населял громадный народ североамериканских индейцев, насчитывающий не менее миллиона человек (назы-

ваются разные цифры, вплоть до 8 миллионов). Это народ с очень своеобразной, глубокой, развитой мифологией, которая давала ответы на фундаментальные вопросы бытия: о происхождении мира, человека, смысле жизни. Это народ со своими этическими нормами, с очень развитым представлением о чести, гордости, мужестве. И он не принял эту западную цивилизацию, принесенную туда английскими переселенцами, и в результате оказался просто уничтоженным. Против индейцев велись войны, за их головы платили вознаграждение. За скальп индейца англичане назначали цены: за мужской – 5 долларов, за женский – 3, а за детский – 2. Индейцам подбрасывали муку, зараженную чумой или оспой. И в результате нескольких веков борьбы они как народ перестали существовать. И конечно, в этом колоссальную роль для английских переселенцев играла кальвинистская идеология их избранности, согласно которой индейцы – это народ, не имеющий права на существование, своим существованием как бы оскорбляющий Божественный промысел. Колонизаторы сравнивали дикарей с дикими животными. Например, говорилось, что договор, заключенный с индейцами, дикарями, ни к чему не обязывает человека, как если бы он заключил договор с диким животным.

В этом спектре возможных ответов на вызов западной цивилизации Россия выработала или пытается до сих пор выработать свой собственный, третий путь. Он заключается в том, чтобы усвоить некоторые продукты западной цивилизации, не теряя своей индивидуальности. Так можно выучить немецкий или китайский язык, не становясь немцем или китайцем. Этот путь и развивался начиная с петровских времен или даже немного раньше. Он был далеко не бесконфликтным и безболезненным для России. Он привел к расколу народа, при котором высший, образованный слой усвоил другой стиль жизни и мышления, чем остальная, большая часть народа. Но все же он обеспечил стране двести лет устойчивого развития, страна достигла своих естественных географических пределов и избегла участи Индии или Китая. И в то же время была создана великая русская культура XIX века.

Но можно спросить: в чем же я вижу доказательства того, что Россия сохранила свою национальную идентичность? Мне кажется, есть несколько четких, безусловных признаков. Во-первых, то, что она осталась православной, во-вторых, то, что она осталась монархией, в-третьих, она сохранила свое отношение к крестьянству и деревне, принципиально противоположное тому, на котором основывалась западная цивилизация. И в XX век Россия вступила крестьянской страной, больше 80 процентов населения были крестьяне. И это был не стихийный процесс, это было сознательное устремление русской мысли начиная с реформ 1861 года. Тогда была сохранена община – именно стой целью, чтобы препятствовать пролетаризации деревни, то есть сгону крестьян с земли и превращению их в пролетариев. Но когда стало понятно, что община в какой-то мере ограничивает развитие крестьянского хозяйства, начали разрабатываться проекты реформ. Этим вначале занимался Бунге, самый, может быть, влиятельный министр Александра III; потом долгое время во главе комиссии, которая разрабатывала систему реформ, был Витте, и, наконец, реформа была реализована Столыпиным. Преобразования шли с 1861 до 1911 года. Это была систематическая деятельность, по крайней мере с единой целью. Можно сказать, что эти попытки были в разной степени энергичными, волевыми, действенными, но все они имели одну и ту же цель, одну и ту же ориентацию. Все же реформы происходили слишком медленно и боязливо, что и сказалось в революции.

И, наконец (я перечисляю пункты, по которым можно утверждать, что Россия не пошла по западному пути), вот последнее свидетельство – самого Запада. Запад всегда в течение XIX и XX веков воспринимал Россию как нечто себе чуждое и даже враждебное. От либералов до крайних революционеров там Россию не любили. Для либералов Россия была препятствием на пути к прогрессу, для революционеров – на пути к революции. От маркиза де Кюстина до Маркса и Энгельса Россию не принимали в европейский круг. Маркс и Энгельс писали о «сентиментальных фразах о братстве, обращенных к нам от имени контрреволюционных наций Европы» (хочу обратить ваше внимание на поразительный термин «контрреволюцион-

ные нации» – классовый подход, который является столь фундаментальным для их идеологии, в этом пункте даже отбрасывается). Так вот: в ответ на эти призывы, писали Маркс и Энгельс, «мы говорим: ненависть к русским была и продолжает еще быть для немцев их первой революционной страстью».

Данилевский в книге, о которой я буду подробно говорить позже, писал, что «вешатели, кинжальщики, поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России». И так продолжалось вплоть до Первой мировой войны, когда в парламентах Франции и Англии правительство вынуждено было защищаться от упреков, что оно находится в союзе с «деспотической Россией», в то время как эти страны были бы раздавлены немцами, если бы не было принесено в жертву более полутора миллионов жизней русских солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.